

Елена Эхова

Сказание
о
быте
Кошечевом

Елена Эхова
Сказание о быте Кощеевом
Серия «Тёмные сказки», книга 1

<https://litres.ru/73786067>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сбегает царский сын в поисках правды и славы из терема родного, да отправляется бить Кощея Бессмертного. Вот только Кощей, оказывается, давно не злодействует. Живёт в деревне, ведёт хозяйство, а рядом — домовый Ванька, ленивый да своевольный, но верный.

В мире, где боги молчат, а добро со злом перепутались, как нитки в старом клубке, предстоит Ивану-царевичу понять, что победа не в силе меча, а в умении разглядеть правду. И, может, вместо битвы его ждёт договор, да такой, что всё сказки переписать придётся.

Содержание

Сеновал.	4
Коровий мор.	9
Праздник урожая.	18
Ведьма.	33
Былое.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Елена Эхова

Сказание о быте Кошечевом

Сеновал.

Одним тёплым летним вечером устроились юные Милава и Серый на сеновале соседа. Щекотал нос душистый аромат травы, кололи босые ноги жёсткие стебли. Валялись на земляном полу скинутые лапти.

Зарывались с головой в свежее сено Мила и Серый, едва слышали скрип отворяемой двери. Опосля выныривали и едва сдерживали рвущийся наружу смех, вытаскивали друг у друга застрявшие в волосах травинки. Крепко обнимал Милаву Серый да прижимался к мягким её губам, словно хотел впрок нацеловаться.

- Женишься, тогда и целуй сколько хочешь, - отпихнула Мила Серого, шутливо погрозила пальцем. - Не медли, а не то выдаст отец за старика замуж.

- Женюсь. По вечерам ты при лучине прясть станешь, а я — смотреть на тебя, - не остался в долгу Серый. Заалели щёки Милы.

Слышались с улицы негромкие голоса да смех. Мычали коровы в ожидании вечерней дойки, блеяли в за-

гоне овцы. Залетал свежий ветер через неплотно закрытую дверь, ворошил и без того взлохмаченные волосы.

У соседа Кощея с начала страды бежал сон от глаз. Едва закончилась весенняя, как началась летняя. Не успеешь и глазом моргнуть, осенняя уборочная — тут как тут. За всем нужен глаз да глаз. Не ровен час придётся самолично быть на работах, следить за батраками да наказывать нерадивых за огрехи. Лето припасиха, зима прибериха. А нечестиваявозняв его-то сене донимала пуще прежнего.

Ко всему прочему, третьего дня ходил он котцу Милы. Хотел посватать дочь его.

- Девка она ладная крепкая, к работе приучена с лет малых, - обрадовался купец, что нашёлся достойный жених.

Рассмеялась в лицо незадачливому жениху Мила, вихрем умчалась из избы. Только дверь хлопнула. Разозлился отец. Осерчал Кошей, совсем сна лишился. А тут бесстыдники эти на его сеновале утехам плотским предаваться вздумали.

Подумал Кошей и пошёл домового кликать. Ванька — домовый строптивый. С норовом, языком дурным даглазом. На кривой козе не подъедешь.

Взял было кнут Кошей, но передумал, положил на

лавку, полез в ларь за пряником печатным. Сдул пыль с него, разломил с усилием, покрошил крупно в плошку с молоком снятым. Надо задабривать.

- Выходи давай, бездельник, - рыкнул Кощей. - Дело есть.

Зашуршало, загремело за печкой. Завыло глухо в печной трубе. Вылез из-под подпечья заспанный домовый. Рубаха помята, на носу сажа, в волосах паутина.

Недобро зыркнул на Кощея:

- Чего надо?

- Ах, ты тунеядец эдакий! - крикнул на него Кощей. - Что ты за домовый? В углах паутина, в мисках плесень.

Задумчиво опустил Ванька глаза, макнул палец в плошку.

- Куда ты руками грязными лезешь? Хочешь чтобы молоко скисло? - взъярился Кощей.

Вынул домовый палец из плошки, отёр о рубаху, нагло посмотрел на Кощея голубыми невинными глазами да молвил:

- Твоё молоко давно простоквашей стало.

- Нечего грязными руками лезть.

- А кто мне ложку обещал? Ей-то молоко сподручнее хлебать будет, - поскрёб Ванька нечёсаную макушку. Посыпался сор на пол.

- Седмицу назад кто с радостным воплем упёр но-

вую ложку с маками и не спросил позволения?

- То с маками была... - молвил Ванька, не мигая глядя на Кощея. - С васильками хочу!

- Изверг ты, пакостник!

- Кто старое помянет - тому глаз вон...

- А кто забудет, тому — оба, - промолвил Кощей и глаза его вспыхнули яростью.

- Ей-ей, - попятился назад домовой. - Пугать то зачем? Чай, не кошка глазами сверкать. Чего надо-то, спрашиваю?

- На моём сене двое бесстыдников засели. Распутству предаваться вздумали. Пугни их хорошенько. Поостерегутся в другой раз по чужим дворам шляться да добро портить, - повелел Кощей, тыча пальцем в сторону сеновала.

- Я — домовой, а не кикимора какая-то, - обиженно засопел Ванька. - Как работать — первый, как задобрить — дырка от бублика. И пряник чёрствый, на прошлогодней ярмарке, видать, купленный.

- Дармоед ты, - прорычал Кощей. Кнут, словно живой, сам прыгнул с лавки в его руку.

- Что кнут-то сразу? Пошутил я. Не серчай, а то припадок хватит. Кто за знахарем тебе побежит? Некому кроме меня. То-то и оно.

Размахнулся Кощей, свистнул-щёлкнул кнут у Ванькиного уха. Опрометью побежал домовой в сторону

сеновала.

На рассвете босая Мила в одной нательной сорочке вернулась крадучись в родную избу. Спряталась на лежанке за занавеской да безутешно прорыдала в подушку, пока не уснула.

Кинул Ванька кошку на непутёвую пару. Упала кошка на Серого, заорала пронзительно. Почуяла в парне оборотня, зашипела, изогнула коромыслом спину и умчалась прочь. Мелькнул в приоткрытой двери хвост. Перекинулся волком Серый, рыкнул глухо да умчался вслед за кошкой. Замертво упала Мила. Заплёл Ванька длинные золотые волосы в косички тонкие по три волоса, умыкнул одежду раскиданную да утопил оную в реке, кинув для верности камень тяжёлый. Поглядел на пузыри, зевнул да пошёл домой.

Спокойно спалось Кощею в ту ночь.

Коровий мор.

Выдалось лето ныне жаркое да засушливое. Обмелели берега речки, что бежит огибая деревню, сеном стала трава на лугах. Довольно одной искры и вспыхнет всё в единый миг. Высох деревенский пруд. Некуда стало гонять гусей да уток. Выглядывали из засохшего ила камни, подставляли свои бока солнцу жаркому.

Ревела от голода тощая скотина в сараях. Падали на потрескавшуюся землю — к великой радости местной детворы — не успевшие созреть яблоки.

Вот-вот превратятся в пепелище некогда плодородные земли.

Нежданно-негаданно объявилась в деревне коровья смерть. Чесали языками бабы у колодца, дескать, видели они каждая кошку чёрную и бегущего за ней косматого волка. Не к добру всё это. На утро зашли в сарай проверить бурёнок, а те слабые да колелые лежали. Горе-то какое. Знамо дело, порчу кто-то наслал. Пробежала она поперёк людской дороги чёрной кошкой и волком косматым, в коем угадывалась погибель скорая. Придут из лесу звери дикие да обглодают всех до белых косточек.

А на Кощеевом поле, пьянчуга местный сказывал,

что видал полуночниц красоты небывалой. Померещилось ему, поди, пропойце эдакому. Поплевали суеверно бабы через плечо и разошлись восвояси с полупустыми вёдрами.

У отца Милы горе большое: единственная дочь всё в девках сидит. Стыдно людям в глаза посмотреть. Намедни приходил сосед, убежала девка. Посмеялась над Кощеём. Мол, куда мне первой красавице за тебя старика идти.

А какой он старик? Голова сединой не тронута, поступь уверена. Батракам спуску не даёт, иной раз и сам работу проверить выходит. Будь то косьба иль обмолот. Стоит грозной тенью над батраками покамест те потом обливаются. И неурожая у него нет, и простоя. Закончилась одна работа, отправляйся на другую. И так пока всё не сделается. А работа вьётся бесконечной ниткой и не видно конца ей. Одним словом, образцовый хозяин.

А эта непутёвая упрямитесь вздумала. Кому она теперь оборотнем пришлым порченная нужна будет? Придётся идти на поклон к соседу да разведать заодно отчего стадо у него цело иполя зелены.

Вернулся Кошей в дом после полудня. Затворил быстро дверь, не пуская внутрь воздух горячий. Опустился устало на лавку.

Неспокойны были ныне вороны в дворовой пристройке. Как назло, второго дня получил расчёт ответственный за птиц батрак. Пришлось самому Кощею вычищать воронятню, задавать птицам корм да воду.

Хорошо, что запруду устроили: вода всегда будет. А при случае можно мальков запустить, подрастить и пускать деревенских рыбачить. За медную монету.

Подсобил Ванька. Стоит вознаградить домового за дельный совет. Был где-то пряник свежий и молоко утреннее в погребе. Налил Кощей молока в плошку, рядом пряник в обертке положил.

- Выходи давай, - кликнул Кощей домового, - заслужил пряник свежий.

Вылез Ванька из тёмного угла за печкой, взглянул на хозяина заспанными глазами, неспешно добрёл до плошки. Обмакнул палец в молоко, облизал с задумчивым видом.

- Утреннего надоя, - молвил его Кощей. - Заслужил, пей давай.

В один присест выпил Ванька молоко, зашуршал оберткой.

- Говорил я тебе, что нарядить батраков в белые сорочки и устроить запруду — верная идея. Никто из деревенских не догадается. Увидят девиц в белом, так подумают, что померещилось. Хорошо, что сам дога-

дался вначале лета ручей от реки отвести, а то сидели бы как все без зерна и скотины, - прочавкал пряником Ванька.

Сверкнул глазами Кощей на словоохотливого домового.

- А будет мне ложка с васильками?

- Будет, - пообещал Кощей. Но увидев радостное лицо домового, промолвил мстительно:

- По осени, после ярмарки.

Нахмурился Ванька, засопел сердито и отправился в свой угол за печкой.

Вернулся с базара батрак, положил на стол перед Кошеем кошель с выручкой.

Раскрыл Кощей узел на горловине, высыпал на стол содержимое. Сплошь медяки. Серебра да золота у деревенских отродясь не водилось. Оставалась надежда на большую осеннюю ярмарку — приедут купцы из других деревень, богатых.

- Поросят всех продали, - отчитывался батрак, - мешок ранних яблок, да курей всех. Одни петухи остались. Не берут отчего-то люди петухов чёрных.

- Не берут...Ступай.

Остался один Кощей. Подпер голову рукой.

- Ванька! - сердито кликнул он домового.

- Чего разорался? - донёсся голос из-за печки.

- Вылезай, шкодник.

Осторожно выглянул Ванька из-за печки, несмело приблизился к Кощею, опасаясь гнева хозяйского.

- Может я царевич заколдованный, а ты все обозвать норовишь.

- Бездельник ты и советчик никудышный. Не вышла твоя затея с чёрными петухами. Не берут их для защиты от нечистой силы. Остерегаются, - грозно посмотрел Кощей на домового. - Думай, как покрыть убыток.

Почесал Ванька затылок, прошёлся с видом задумчивым взад-вперёд.

- Лешего встретил утром. Говорил, лес шумел без ветра. К дождю, видать.

Задумался Кощей. А ведь верно, вороны ныне тоже беспокойно летали по пристройке. Точно, к дождю.

- Пусти по деревне слух, будто чёрный петух во дворе защищает от нечисти. А перо из хвоста чёрного петуха сожжённое до заката оберегает от коровьего мора. Смотри, Ванька, не продадутся твои чёрные петухи, выгоню взащей.

- Кто в здравом уме выгонит домового, - пробубнил Ванька, отправляясь в закуток за печью.

- Без ложки останешься, - пригрозил Кощей.

Обернулся Ванька, показал язык и скрылся за печкой.

Закончив с делами, отец Милы собрался с духом да отправился к соседу. Мириться. Стоило ему ступить за порог, как чуть не был сбит пробежавшим мимо батраком с чёрными петухами в обеих руках. Орали истошно чёрные птицы.

Что за напасть?

Не стал он кликать и догонять батрака, пошёл к избе Кошечевой.

Дошёл до забора, хотел было постучать, как распахнулась калитка, выпуская дородную жену мельника с шевелящимся и кудахтающим мешком в руке.

-Тоже за петухами пришёл, - прогудела мельничиха, протискиваясь со своей ношей, - торопись, покудова всех не разобрали.

Подивился в очередной раз отец Милы беспокойству и необычайному оживлению деревенских к вечеру ближе. Шагнул во двор. А там толпа отчаянно торговалась за оставшихся петухов. Тут и до драки недалеко.

Поприветствовал Кощея отец Милы, войдя в избу.

Оторвался Кощей от подсчета монет, что россыпью лежали на перед ним на столе, смерил гостя тяжелым взглядом.

- С чем пожаловал? - спросил он, возвращаясь к прерванному подсчету.

- Не ведаешь ли, от чего суета такая в деревне с пе-

тухами чёрными? - издали начал разговор отец Милы.

- А ты разве не слышал, что нашлось избавление от коровьего мора? Чёрный петух во дворе спасёт от всякой напасти, а сожжённое перо его от коровьего мора.

Задумался отец Милы. Вот отчего батрак бежал, словно гадюкой укушенный, и едкий дым стоял по всей улице.

- Когда же мне уследить за всеми? - повинился он. - Сам знаешь, коровы мрут, посева сохнут, воды в колодце уж не осталось. Да и дочь моя непутёвая, непослушанием своим седых волос в голове добавила.

- Мне что с того? - Кощей расставлял подсчитанные монеты столбиком по десятку.

Вздыхнул тяжело отец Милы, оперся ладонями о колени, обдумывая свои слова.

- Виноват я пред тобой, что захватил твой кусок земли по весне. И за дочь свою прости. Глупая она девка... Но работающая.

Ничего не ответил Кощей, словно и не услышал признания. Пересчитал столбики медяков, аккуратно выстроенных в ряд, вписал вырученную сумму в книгу учёта. Прибыли не было, но и убыток был не велик. Можно побаловать Ваньку, купив ему заветную ложку.

- Много наторговал? - поинтересовался отец Милы.

- Ни много, ни мало, - ответил Кощей. - Говори, зачем пришёл.

- Может возьмёшь мою дочь себе? Если не в жены, то в работницы? Девка она ладная, работающая...

- Слышал я это, - перебил его Кощей.

Заинтересовался Ванька разговором, зашуршал, выглядывая из-за печки. Заметил Кощей домового и украдкой показал ему кулак. Молчи, мол, да не показывайся на глаза.

- Кому она оборотнем порченная в жены нужна будет? А она вязать, вышивать да плести кружева мастерица, - не отступал отец Милы, надеясь сбить дочь с рук.

Затянулась тишина, даже Ванька затаился за печкой в ожидании решения хозяина.

- Освободилось у меня одно место, - задумчиво промолвил Кощей, - пускай приходит твоя девка на утренней заре. Возьму ее птичьим пастухом.

Гроза началась под утро. Громыхало и лупило так, что разбудило весь дом. Обмелевшая было река дотянулась до берегов, доверху наполнилась колода для скота и вымоины на дороге. Позеленела трава и листва на деревьях.

«Заслужил, все же, Ванька свою ложку», - подумал Кощей.

Праздник урожая.

Ах, что это было за вино. Домашнее. Смородина пополам с рябиной — лёгкое, с кислинкой, будто глоток осеннего утра. А это какое? Вишнёвое. Переносила сладость в летний зной, когда гнулись под тяжестью вишнёвые ветки, когда сами падали в раскрытые ладони спелые ягоды.

Закружились в хороводе стены от незаметно выпитых бутылок. Заплясали перед глазами полки. Понеслись вскачь.

Попробовать что ли во-о-он то, на верхней полке? Ничего, не убудет. Всем достанется на празднике. Сколько их тут ещё, бутылок? Прорва и меньше не становится. А он должен проверить всё ли готово к празднику.

Не подвела мельничиха: её самое лучшее, словно мёд. Пело оно о травах летних да о днях жарких, когда замирало всё в полуденной дрёме. Выскользнула из руки пустая бутылка, упала на пол, закатилась под полку, спряталась в тени.

Склонилась на грудь лохматая голова.

Слава богам, благополучно окончилось лето. Посвежел, напоенный солнцем, воздух, пропитался запа-

хом опавшей листвы. Не помешала урожаю летняя засуха — не такому обильному, когда клонились к земле золотые колосья, но и не столь скудному, как боялись в разгар лета.

Знатно пришлось тогда потрудиться.

Стоило поблагодарить богов — что не мешали и не помогали людям, вершить своё дело — да устроить праздник урожая. Отдохнут день-другой деревенские от суеты летней, сил наберутся. А после праздника молотьба начнётся — не труд, а почти что веселье. Знай, маши цепом, а там и не заметно, как солнце за деревья укатится.

Отчего же так холодно и жёстко? Кто украл тюфяк с одеялом? Стёганое пуховое одеяло и тюфяк, набитый травой летошней...

Пробрался в дом чужак, подсыпал яд в еду и питьё. Точно яд. Вот, уже руки-ноги отнялись, всё плывёт, язык не ворочается, а голова, словно тисками, сжата.

Видать, помер он и плывёт связанный в утлой лодочке в мир посмертный. Остался позади яркий солнечный свет, ждёт впереди туман да тишина. Молод он ещё, не пожил толком. Жалко себя стало: никому он сиротинушка был не нужен и никто ему слова доброго не сказал. Кричали да работать заставляли.

Отчего-то хотелось пить. Была бы воля, реку осу-

шил бы — всю, до капли последней.

Река. По реке плывёт он в мир посмертный.

Повернулся он и упал в...

Погреб. Сырой, тёмный, пропахший землёй и сыростью. Видать, точно попал он в мир посмертный. К бе-сам.

Но отчего знакомо всё? И откуда столько бутылок пустых — точно пиршество нечисти всякой. Коль похож мир посмертный на его погреб, то с солёными огурцами та дубовая бочка в углу. С укропом да хреном, с листом смородиновым.

Точно она. Родненькая. Забрался Ванька на ящик с морковью, с усилием отодвинул крышку бочки. Скрипнула та, будто дверь древняя в мир иной.

Ударил в нос душистый пьянящий запах рассола.

Сглотнул Ванька набежавшую слюну.

Перегнулся, чтобы зачерпнуть рукой рассола. Скользнули пальцы по мокрому.

«Так даже лучше», - подумал Ванька и захрустел огурцом, чувствуя, как силы возвращаются в тело.

Спокойно и тихо было в бочке. Закрыл глаза Ванька. Пахло вином и укропом.

Взял Ванька ещё огурец, коли есть это жизнь посмертная, то не столь плоха она.

- Справный ныне год вышел, - порадовался Кощей,

подводя итоги и рассчитывая сколько и чего он продаст. Сколько купить придётся и не предстоит ли чего спешного.

Встал спозаранку Кощей, когда небо только светлеть начинало, а роса тяжёлыми каплями лежала на траве, принялся кликать Ваньку. Не отзывался домо-вой.

«Спит, верно, где-то лодырь», - подумал Кощей и принялся одеваться. Хотелось ему объехать поле, на котором вечером будет срезание последнего колоса.

Тих и пуст был дом: разошлись по домам батраки, загодя дела переделав. А вечером соберутся вместе за большим столом.

Шумно и грязно было у пристройки с воронами. Сидели большие птицы на высоких деревьях да кричали громко, будто ругая кого-то. Заглянул Кощей в пристройку. Сбежала домой непутёвая девчонка, не выполнила работу свою.

- Верну вечером лентяйку домой, с отца ущерб стребую, - пробормотал Кощей, хмуря брови.

Вычистил он пол, задал птицам корм да воду и отправился в конюшню. Ещё с вечера сказал он... Дал наказ Ваньке подготовить коня утром ранним.

Стоял конь в своём деннике, неторопливо выбирал из кормушки кусочки моркови. Висели рядом на сте-

не седло с уздечкой, аккуратно развешенные, не тронутые с вечера.

- Дармоед, - промолвил Кощей.

Волей-неволей сам взялся он за дело. Приговаривая слова ласковые, почистил Кощей коня, расчесал гриву ему, заплёл косички.

Мрачно подумал, затягивая подпругу:

«Если и на поле его не будет...»

Всхранул конь, дёрнулся, когда увлечённый в свои мысли Кощей сильно затянул ремень. Ослабил Кощей подпругу, погладил коня по морде. Ткнулся тот мордой в ладонь, высунул язык, выпрашивая сахар.

Усмехнулся Кощей, достал из кармана кулёк, отсыпал на ладонь пару кусочков. Аккуратно взял их конь мягкими губами, выдохнул шумно, фыркнул в лицо хозяину. Похлопал его по шее Кощей, взялся за поводья. Впереди был долгий день. А Ваньку он всё-равно отыщет.

Не оказалось на поле Ванька и колоса. Вели в сторону леса следы, видные на влажной земле, — туда, где высокие тёмные ели смыкались над тропой, словно ворота в мир иной.

Скрипнул зубами от ярости Кощей, поскакал обратно. Свистел в ушах ветер, клокотал гнев в груди.

«Пакостник!» - бушевал Кощей, пока конь нёс его

к дому.

Резко осадил он коня у ворот, спрыгнул на землю.

Обыскал Кощей все дворовые пристройки. Нигде ни следа Ваньки.

Завидела разъярённого хозяина птичница, замешкалась на миг, застыла с миской зерна в руках. Воспользовался этим чёрный петух — единственный не проданный, минувшим летом. Порхнул он резко да выбил миску из рук птичницы. Просыпалось зерно у ног широкой полосой.

Сбежались куры и утки, кинулись его клевать да драться. Поднялся в миг громкий ор, взлетели выше забора вырванные перья. Распинал Кощей ногами птицу, взглянул грозно на птичницу и направился к дому.

Не оказалось на чердаке Ваньки. Зато нашлись свекольные соцветия, разохшееся корыто, дырявый горшок; заботливо припрятанные и укрытые рогожей мешок мякины да лён-стланец.

Оглядел хмуро Кощей находки, пнул ногой корыто. Всё выше катилось солнце.

Вернулся в дом Кощей, обыскал все закутки и комнаты, заглянул в лари и горки в чулане. В одном оказалась двойная стенка.

- Так и норовят обобрать! Как будто мало я им пла-

чу. Пою, кормлю, крышу над головой даю.

Спустился в погреб Кощей да прилип подошвами сапог к полу. Выругался, зажёл светец.

Раскатились по полу уцелевшие бутылки, камнями самоцветными блестели осколки. Разукрасили деревянный пол липкие лужи, а из огуречной бочки в углу слышался тихий храп.

Подошёл Кощей к бочке, заглянул внутрь, увидел спящего Ваньку с огурцом в руке.

- Ах, ты поганец! - рявкнул Кощей.

- Дайте поспа-а...ать, - зевнул Ванька.

- Поспать!

- Как ужасен посмертный мир и бесы, что его населяют. Натё! Подавитесь, - швырнул Ванька огурцом в беспокоящих его бесов. - Голоса точь-в-точь, как у...

Увидел домовый яростный блеск глаз хозяина.

Полетел обратно надкусанный огурец, ударил Ваньку в лоб. Опустил Кощей руки в бочку, схватил за шиворот барахтавшегося домового, притопил слегка.

- Пусти, - выдохнул Ванька.

Схватил его за шкурку Кощей, встряхнул, словно тряпку — разлетелись в стороны мелкие брызги.

- Сам сказал последить за подготовкой к празднику. Вот я и проверял. Хорошее вино. Мельничих..чих...но самое лучшее. Не стыдно на стол поставить. Да чего ты злишься-то, - пробормотал Ванька, когда встрях-

нул Кощей его еще раз, - вон его вина столько. Ничего и не ubyло. Бутылку-другую попробовал.

- А перебил с десятok! Кто должен был Всполоха к утру подготовить да за колосом следить?

- Твой конь укусил меня, - пожаловался домово́й и поднял перемотанную тряпицей руку. - А что ему будет? Колосу? Кому он нужен?

- Кому-то нужен, - резко отпустил ворот Кощей, шлёпнулся Ванька на пол. - Чтобы без колоса назад не возвращался.

«Убегу, - запальчиво пообещала себе Мила, - ночью. Пойду, как все домой, а сама убегу в лес к Серому. Он сказал, избушка у него на примете есть. Как-нибудь проживём».

Чутьockу легче стало от мыслей смелых. Забилось чаще сердце. Ничего, она справится. Кусок хлеба на кухне надо прихватить. И нож. От зверья отбиваться и в хозяйстве потом пригодится. Пусть Кощей другого пастуха своим птицам ищет. Опротивело ей возиться в грязи каждый день и слушать окрики.

Легко сказывается.

Не лёгким делом показался побег Миле. Не пустила, утомлённая готовкой, кухарка Милу на кухню. Обругала на чём свет стоит и напоследок шлёпнула полотенцем.

- Ведьма, - выбежала Мила на улицу, потирая ушибленную руку.

Загорались на небе редкие робкие звёзды. Ещё лучина-другая и не видно будет дальше собственного носа. Шумно расходились по домам батраки.

Полею и огородами выбежала Мила за околицу, устремилась к лесу. Ждёт её там Серый.

Страшно было в лесу: тянули деревья к Миле свои руки-ветки, хлестали по лицу и плечам, хватали за подол, цеплялись за волосы. Подставлялись под ноги узловатые корни.

Тявкнуло, коротко взвыло в чаще.

- Серый, - побежала Мила и замерла, услышав ответный вой. За ним ещё один, и ещё.

Затихла волчья переключка. Громко ухнул филин. Прокатился ветер по кронам деревьев, пербирая листву, точно перешёптываясь в незримыми обитателями леса.

- Ой! - не разбирая дороги побежала вперёд Мила. Больно хлестали по лицу и рукам колючие еловые ветки.

Хотела было Мила повернуть назад, но где теперь дом?

Зацепилась нога за поваленное дерево, кубарем скатилась беглянка в овраг. Раздался неподалёку волчий вой. Потёрла Мила ушибленную ногу, оглянулась

по сторонам. Неторопливо окружали её волки.

Зажмурилась Мила, нащупала рукой камень, хотела бросить, остановила её чья-то рука.

- Они только пугают, - Серый в людском облике стоял рядом. - Пойдём.

Протянул руку Серый, вложила в неё Мила свою дрожавшую ладонь.

- Я думала, они меня...

- Они не тронут.

Пошла вслед за Серым Мила, а позади коротко взвыл волк.

Спотыкаясь и пошатываясь добрался Ванька до речки. Хотел он искупаться да простирнуть одежду. Опустил палец в воду. Обожгла вода, точно лёд. Задумчиво смотрел Ванька на спокойно текущую реку

- Ты чего тут делаешь? - раздался из-за спины скрипучий голос лешего.

- Ноги вышел размять, - отозвался Ванька.

- Проветриваешься, значит, - сказал леший, приняв хиваясь.

- А ты к водяному в гости пришёл?

- К тебе шёл. Узнать про праздник.

- Не будет праздника.

- А что так?

- Пропал колос, - мрачно молвил Ванька.

- Девушка одна вчера в лес на ночь глядя прибежала. Растрожила всех, ветки поломала, траву измяла, мухоморы пошибала. А что они ей сделали мухоморы? Ну, я и припугнул её слегка: дороги запутал, волков натравил.

- Что за девушка?

- Бестолковая. Шла и причитала, что не для работы чёрной её руки белые, и не будет ни у кого праздника.

- А колоса у неё не видал?

- Прижимала она всё руку к груди, будто несла что-то.

- Куда побежала?

- Дык, говорю, волками поугубил немного, она в овраг свалилась. А там оборотень ейный объявился и увёл.

- Знаешь куда?

- Как не знать? Пошли, провожу.

Отправил Кощей Ваньку на поиски колоса да начал прибирать в погребе и, заодно, убытки подсчитывать. Перепортил домовую добрую половину, что принесли деревенские на грядущий праздник. Не миновать добавлять своё. Ещё и в бочке с огурцами искупался. Не есть же их теперь. И выкидывать жалко.

Раздались наверху крики, тяжёлым шагом подошёл кто-то к лестнице в погреб.

- Где моя дочь? - набросился на Кощея отец Милы. Скрипели ступеньки под его ногами.

- Мне откуда знать? - не прервал своего занятия и не обернулся Кощей.

- Вчера должна она была пойти домой, как и все твои батраки. Но её нет. Куда она подевалась? - сильнее распалялся отец Милы.

- В лес пошла к оборотню своему. Там теперь её дом. Убежала и колос праздничный ukrала, - обернулся Кощей, посмотрел на покрасневшее от гнева лицо купца. - Раз от девки ты не отказался, то и твоя вина здесь есть.

- Дочь моя девица честная, никогда она...

- Честная, - перебил Кощей, - да глупая.

Сжл кулаки отец Милы:

- Искать надо. Пока следы свежи.

Пожал плечами Кощей, осмотрел погреб. Если и вернётся Ванька с пустыми руками, запасной колос (и не один) у него найдётся.

Избушка была ветхая покосившаяся. Подпирала её узловатая чахлая ель, вцепившаяся корнями в землю. Дырявый горшок на полусгнившем заборе да череп — всё, что осталось от прежнего хозяина. Присвистнул от удивления Ванька. Сюда привёл Серый Милу, которая нос воротила при виде метлы и морщилась, ко-

ли приходилось работать в огороде. Нелегко им придётся.

Послышался плач из-за неплотно закрытой двери. Осторожно заглянул внутрь Ванька, срытался леший за его спиной.

Сидела на хроммой лавке Мила и размазывала по лицу слёзы. Рядом стоял Серый, смотрел в окно на бесконечный лес.

- И это сюда ты меня привёл? - всхлипывала Мила.
- В чащу глухую, волкам да медведям на съеденье.
- Здесь ведьма жила, - сказал леший. Услыхала его Мила, зарыдала сильнее.

Обернулся Серый. На пороге стояли Ванька с лешим.

- Отдай колос, а я взамен отведу тебя домой и слово замолвлю перед Кощеем, - сказал Ванька. - Людей, наверное, подняли и отправил на твои поиски. И это в день праздника. Нехорошо.

- Забирай, - осушила Мила рукавом слёзы, шмыгнула носом и вытащила из-за пазухи сломанный колос. Протянула его Ваньке. Осыпались на пол золотые зёрна. - Только я ногу подвернула. Отвезёшь меня верхом, Серый?

Подошли к лесу Кошечевы батраки во главе с отцом Милы. Мелькнула серая тень в подлеске. Затрещало в

кустах. Заоглядывались по сторонам батраки, крепче ухватили палки и вилы.

Выбежал на опушку большой серый волк, на спине его, вцепившись в густую шерсть, сидела Мила. Увидела она отца, бойко заговорила о «минувших событиях»: как вчера вечером углядела тень, что кралась по полю, как вор сорвал колос и скрылся в лесу, как она не растерялась и бросилась за ним в погоню. Как в лесу их окружила стая волков и едва не задрала. Испугался вор, бросил колос и был таков. А Мила только ногу подвернула, но Серый пришёл ей на помощь.

Стоял отец и слушал дочь, не в силах был вымолвить ни слова.

Миновала полночь. Закончился праздник. Лунный свет серебрил притихший луг, рассыпал бледные блики на траву и тропинку, ведущую дому. Катил к дому Ванька пустую огуречную бочку, то и дело спотыкаясь о камешки. Скрипела бочка, подпрыгивала.

- Работаешь, работаешь. Убираешь этот мусор, не разгибаешь спины, - бормотал Ванька, катя перед собой бочку. - Никто даже спасибо не скажет, не угостит тебя ни праздничным обедом, ни домашним вином.

Токнул Ванька бочку в сарай, закрыл дверь, отёр о штаны руки и поднял глаза к небу. Луна серебрила облака, подмигивали сверху звёзды. Ухнул где-то в лесу

филин, залаяла в деревне собака.

Ведьма.

Тихая да морозная стояла ночь; чист и колюч был воздух. Проступали неспешно из-за туч звёзды, мерцали холодным светом. Раздался грозный лай в спокойном безмолвии. Донеслись с края деревни хмельные голоса, подхватило их гулкое эхо, разнесло по округе.

Торопился домой запоздалый гуляка, кутался в старый тулуп да озирался. Боялся встречи с разгневанной женой.

Вскрикнул первый петух — зычно, за ним отозвался другой, наполнилась вскоре деревня перекликающимися петушиными криками.

Вышел из избы Серый, громко хлопнул дверью. Скрипнула под ногой мёрзлая ступенька крыльца. Донёсся вслед ему горестный женский плач. Стиснул зубы Серый, и, не оборачиваясь, зашагал прочь по заснеженной тропе, оставляя за собой едва заметные следы да тяжёлую тишину.

Холодный ветер касался верхушек деревьев. Скрипели ветви, будто старые ворота. Пошёл снег, насыпал пушистые подушки на еловые ветви.

Тихо стало в лесу.

Светился огонёк в окошке лесной избушки. Вился сизый дым из трубы на крыше, таял в морозном воздухе.

Жарко топилась старая печка, разливая по избушке благодатное тепло. Закипал на печи чайник, попыхивал паром.

- ... как бросился на меня Всполох, - жаловался Ванька, хмуря брови. - Так проворно, что заметить не успел. Едва руку не откусил. Гриву взъерошил, рычит, точно пёс, а я-то уздечку хотел надеть. Бесовская коняга!

Изо всей силы грохнул он кулаком по столу. Загрели бутылки и глиняные кружки.

- Так уходи от него, - посоветовал леший, разливая остатки медового кваса. Тут же осёкся, встретившись с Ванькиным взглядом. - Али отомсти тогда.

- Отмстить, говоришь, - загорелись в глазах домового огоньки лукавые .

Залпом он выпил кружку кваса, вгрызся в уже надкусанное кольцо колбасы.

- Придумал что-то?

- Ыгы. Такое вазвечение пвидумал, - промолвил Ванька с набитым ртом. Разобрал домового внезапно смех, да так, что закашлялся он, поперхнулся куском непрожёванным. Похлопал по груди себя, утёр набежавшие слёзы рукавом холщовой рубахи.

- Достанется Кощею и коню его!

Ночь напролёт шумели и выпивали домовый с лешим. Веселей и громче становился дружеский разговор.

Сморил их сон ближе к заре утренней. С при- свистом храпел леший, тихонько посапывал Ванька. Оплыла свеча и угасла. Лился в окно бледный свет, потрескивали поленья в печи да шумел ветер в елях.

Сверкал лес в лучах зимнего солнца. Плотными подушками лежал снег на земле и ветвях деревьев, нависал мохнатыми шапками. Склонялись в поклоне ели, укутанные в белоснежные шубы, искрились в солнечных лучах их раскидистые лапы.

Открыл Ванька дверь навстречу свежему воздуху, невольно сощурился от ослепительного сияния. Вышел шатаясь на крыльцо, сгрёб снег да сел на ступеньку.

Сидел Ванька на расчищенной ступеньке, сплетя на груди руки, и наслаждался лучами зимнего солнца. Смотрел на мелкие снежинки в прозрачном воздухе.

Обжигал грудь морозный воздух.

- Что делаешь? - хрипло спросил леший и опустился рядом.

- Думаю, - поёжился Ванька от колючего холода.

- Думааааешь..., - протянул леший, широко зевая. - В

тепле оно лучше.

Вновь горел в печи огонь, весело трещали поленья, наполняли избушку теплом и уютом. Засвистел закипающий чайник. Ловко подхватил его леший ухватом, снял с загниётки, бросил в него горсть сушёных ягод.

- Сам собирал на заповедных полянах, - похвастался он, разливая ароматный чай по глиняным кружкам. Подул, чтобы остудить немного, отпил глоток.

Молча пили они чай и думали каждый о своём.

Не удержался леший, спросил:

- Что надумал?

- Помнишь избушку ведьмину, где оборотень с девкой своей хоронились?

- Угу, - неопределённо протянул леший и поскрёб макушку. Осыпалась на стол россыпь сухих иголок.

- Увидишь, - молвил Ванька и глаза его хитро заблестели.

Посмотрел на друга леший, задумчиво почесал бороду.

Спокойно и безмолвно дремал лес. Едва слышно хрустел под ногами свежий снег, сверкал ледяными самоцветами. Проглядывало меж высоких заснеженных елей чистое голубое небо.

Осыпалась с разлапистых веток снежная пыль, не замечали её Ванька с лешим.

- Заберём череп, что за заборе висит да напугаем коня, - делился задумками Ванька. - Придёт Кощей проведать Всполоха, а того и нет. Выбил коняга дверь копытом и убежал. Или лучше пускай лягнёт, а не убегаёт. Вот смеху-то будет.

Слушал домового, шедший рядом, леший, чесал лохматую голову.

Проказливей становились Ванькины задумки.

- Пускай Кощей сам за конём своим ходит, - горячо сказывал Ванька, притоптывая на морозе. - Гриву ему расчёсывает, овсом кормит и за домом сам пускай смотрит. Поймёт тогда, что весь дом на мне одном держится. Придёт мириться да прощенья просить за слова резкие и коня кусачего.

Остановился на миг домовый, поднял палку, принялся чертить на снегу какие-то знаки. Молча смотрел на друга леший, поёживаясь от холода и пряча руки в лохмотья еловой шубы.

- Осерчает он сначала, - продолжил Ванька, - а потом смирится, когда скотина в хлеву реветь от голода станет. Кто им корма задаст? А поля кто проверит? Вся чёрная работа на мне и держится. А что получаю? пряник чёрствый и молока блюдце. Где ложка обещанная с васильками? Обещал Кощей ложку после большой осенней ярмарки. Вот сам пускай и ждёт. Не будет обещанной ложки, не видать ему прощенья.

Разве я дурное говорю? - нахмурился Ванька, посмотрел на друга.

- Э-э-э, - протянул леший и покачал головой. - Вроде нет...

Отлынить от работы Ванька любил, но и как-то хозяйственные дела успевал выполнять. Всё держалось на капризном домовом.

- Один ты меня и поддерживаешь, - возрыдал Ванька и утёр, набежавшие на глаза, слёзы.

- Полно, - похлопал по плечу его леший. - Пришли поди.

Шмыгнув Ванька носом, обернулся.

Точно она: избушка ведьмина. Ель старая и корявая, с ветвями, походившими на скрюченные пальцы; забор покосившийся и столб с черепом. Выбеленный ветрами, морозом и солнцем, смотрел он в небо пустыми почерневшими глазницами.

Налетел ветер. Постучал в окна, крышу. Заунывно засвистел в печной трубе. Захлопала дверь, точно крыло раненой птицы, приоткрыла щель во тьму. Ворвался в избушку ветер, зашумел, загудел, застучал под кровлей.

Поёжились Ванька с лешим.

- Холодает, - поёжился леший.

- Угу, - отозвался Ванька, плотнее запахивая тулуп.

- Молвили, что была знакома ведьма с силой нечи-

стой, - напевно проговорил леший. - Теряли коровы удои от взгляда её, забивали себе зоб куры, а лошади сбрасывали и затаптывали всадника. Пускала она по ветру немочь чёрную и хвори всякие. Послушны ей были домовые...

- Сказки, - махнул рукой Ванька. - Помогай лучше.

Подошёл он храбрясь к редкому покосившемуся забору. Покачал его.

- Подсади меня и забор держи, чтоб не раскачивался, - наставлял лешего домовый.

Подтянулся он на руках, полез наверх. Ломались жерди, оборачивались трухой, осыпались на снег. Долез до верха Ванька, протянул руку, тронул череп.

Окутал его густой липкий туман. Забыл Ванька где верх, где низ. Явилась тихо из тумана того девица бледная. Чёрным пологом окутывали стан стройный распущенные волосы. Играла на тонких губах едва заметная улыбка, пронзительно смотрели глаза безумные.

- Где я? - выдохнул Ванька.

- В дрёме... - прозвучал и растаял тихий голос.

- Ведьма, - прошептал Ванька.

- Желаете домовым маяться, обиды терпеть или вернуть жизнь прежнюю? - спросила ведьма. Зашевелился вокруг неё туман.

- Я...

Склонила голову ведьма. Шире стала её улыбка.

- Смелый или глупый. Домовой или царевич. Выбор твой.

Заклубился туман, зашумел.

- Неволя не бывает вечна... - долетел до Ваньки скрежещущий голос.

Не выдержала тяжести верхняя жердь, сломалась с сухим треском. Кубарем скатился Ванька на землю, чудом не выпустил череп из рук. Тяжко поднялся он на ноги, потёр ушибленное место. Кружилась голова, вставали пред глазами тёмные пятна.

- Погляди на небо, - подёргал леший домового за рукав.

Заморгал глазами Ванька, замотал головой. Взглянул вверх.

Заволакивали небо тёмные тучи. Бросил в лицо ветер горсть колючего снега, забрался под тулуп ледяными пальцами.

Замотал Ванька череп в потрёпанную тряпицу, перекинул через плечо узел .

Шли они вперёд; забивался снег за шиворот, обдавал лица ледяными колючками.

Неслись по небу тяжёлые тучи. Сильнее и яростней дул ветер, гнал вперёд лохматую тучу, точно желал утопить лес в снежном мареве. Кружились вихри, поднимали к небу снежную пыль.

Чудом набрали они на избушку лешего — приземистую, занесённую снегом.

Сизый дымок вновь вился из печной трубы. Отогревались Ванька с лешим, протянув к огню озябшие руки. Ласковое тепло окутывало их.

- Чаю бы, - вострепнулся леший. Потряс он задремавшего Ваньку. - Сходи, набери снегу, а я пока на стол собираю.

- Сам сходи. Ты хозяин...чего дерёшься, - осерчал домовый, получив чайником по голове. - Схожу. А узел с черепом где?

- На бочонке с соленьями.

Вспомнил Ванька праздник урожая, поморщился. Выскочил он за дверь, зачерпнул снега, шустро нырнул обратно в избяное тепло.

Укатилось солнце за лес. Разыгралась метель лютая. Снежным ливнем ударяла она в стены, прокатывалась по крыше истошным воем. Стучал ветер в крепко запертую дверь.

Подбросил Ванька в печь полено, сел на лавку, вытянул ноги к теплу. Разлил леший по кружкам горячий чай.

- Нешуточная метель разыгралась при ясной-то погоде, - сказал леший. - Ведьма наслала.

- Она ж утопла давно. Как могла метель наслать?

- Тело, поди, уж раки съели, а дух неуспокоённый в

избушку вернулся. Не в силах выйти он за порог.

Замер Внька с кружкой в руках.

- Сказки, - сказал он, поставил кружку на стол. - Ведьма, ведьма. Заладил одно и то же. Давай спать ложиться.

- И то верно. Умаялись за день.

Расстелили они на лавке у печи ветхую овчину с клочьями свалявшейся шерсти. Подкинул леший в огонь поленьев, заиграло пламя на бревенчатых стенах.

Тепло и тихо было в избе. Потрескивали от жара дрова в печи, да поскрипывали от мороза брёвна.

Села Мила на лавку, задрожали её губы, заблестели в глазах слёзы. Обхватила она себя руками, стала тихонько плакать и громко всхлипывать.

Прислушался из-за двери Серый. Хотел было он вернуться, утешить жену, да остановило его что-то. Раздумье сковало волю.

Зарыдала Мила во весь голос. Катились по щекам слёзы, падали на подол да на пол.

Перекинулся на опушке Серый и по проторенной тропинке побежал в глубь леса. Туда, куда с середины лета его звал женский голос.

Звал он иной раз в ночи, во сне, смолкал к ближе к заре утренней. Настойчивый да полный тоски. Ри-

совался пред внутренним взором Серого силуэт девичий, таял, стоило к нему приблизиться ильпротянуть руку. Развевались на ветру чёрные волосы.

Всякий раз во сне лишался Серый силы и воли. На утро умывался студёной водой, силился стряхнуть наваждение ночное.

Требовал охоты да дикого леса его звериный облик. Желал свободы и воли.

Несчастлива была Мила в жизни семейной. Не умела она хозяйничать в избе, страшилась тряпичной тушки зайца, отворачивалась от грязной работы. Забыли про неё подруги, перестали в лес звать по грибы да ягоды.

Днями напролёт работал на Кощея Серый, убежал ночами в лес тёмный. Сколько раз просыпалась Мила одна, давала слезам волю, сидела у окна, куталась в платок и глядела в тёмную даль.

Мягче стал с осени зовущий девичий голос. Нашёптывал. Уговаривал уйти прочь, оставить жену и деревню. Беспокойно ворочался ночами Серый: снился ему лес, избушка и неясный девичий образ. Уходил он ночами из дома. Ноги сами несли его по тропинке, луна освещала дорогу бледным светом. Яснее слышался зовущий голос.

Просыпался Серый на рассвете у ручья или лесной поляны. Уплывали воспоминания, как туман под сол-

нечным светом.

Ждала его дома Мила, с покрасневшими от слёз глазами. Пыталась она говорить с ним, отмалчивался Серый, отводил взгляд.

Ткались на небе лохматые тучи. Бежал в глухую чащу серый волк; искал он поляну с покосившейся избушкой. Уткнув нос в землю, едва касался он её своими сильными лапами, вынюхивал всякую кочку, всякий след.

Стояла избушка на краю поляны, словно выросла из-под земли. Чёрная покосившаяся, с слепыми заколоченными окнами.

Налетел ветер, вздыбил шерсть на загривке волка. Вырвался из волчьей пасти глухой рык. Манила неведомая сила, заставляла подойти ближе, зайти внутрь.

Принюхлся волк, прислушался и перекинулся. Шагнул Серый на крыльцо, остановился пред дверью.

- Заходи, - пригласил лаковый женский голос.

Вошёл Серый внутрь избушки.

Мелькнула тень на стене, явилась тонкая девичья фигура. Шагнув вперёд, протянула она вперёд руки.

Шагнул навстречу Серый.

- Отчего ты всякий раз покидаешь меня? - уткнув-

шись лицом в грудь оборотню, промолвила ведьма.

Подняла она голову, посмотрела на него умоляющим взглядом. Лёгкая улыбка явилась на бледных её губах, обнажая нежно-острые стиснутые зубы. Заблестели от слёз, чёрные глаза. Таилась в их глубине сила: колдовская пугающая.

Ожил на миг Серый, отшатнулся.

- Не уходи, - прошептала ведьма. - Истосковалась я. Разозлилась, когда увидела тебя с этой девкой. Помутится скоро разумом разлучница, оставит тебя в покое. Сном чудным будет наша жизнь — долгая, без тревог. Забудешь ты её, забудешь дом, забудешь всё, кроме меня.

Протянула ведьма руку, коснулась щеки Серого ледяными пальцами. Вдрогнул он, не отстранился.

Шептал вокруг лес, вторя словам ведьмы, быстрее закружился снег за окном, будто танцевал под тёмные чары.

Очистилось небо, высыпали бледные звёзды, рассыпались ледяной крупой по тёмной глади.

Вёл леший домового по едва заметной звериной тропинке, вилась та между раскидистыми елями, петляла меж кочек, ныряла в низинки. Не отставал Ванька.

Расступились деревья, близко была деревня. Где-то

вдали прокричал петух.

Прокрались они к окраине двора, вошли в полутёмную конюшню. Густым от запахов был воздух. Пофыркивали кони, переступали ногами. Шумно вдохнул Всполох, точно осуждая непрошенных гостей, раздул ноздри. Смотрели на Ваньку поблёскивающие в лунном свете глаза. Невольно замер домовой, затаил дыхание.

Поднял леший руку, указывая на, вбитый в стену, крюк с перекинутой через него верёвкой. Кивнул Ванька. Достал он из-за пазухи свёрток, осторожно развернул тряпицу.

Сгустилась тишина. На миг осветил лунный свет домового.

На рассвете пошёл Кощей в конюшню задать лошадям корм. Третьего дня не было видно домового.

«Где носит этого бездельника?» - раздражённо подумал Кощей.

Увидел он отворённую дверь, нахмурился, вошёл внутрь.

Сменился лунный свет, бледным утренним, пробиравшимся сквози окошки.

Тихо шёл Кощей мимо денников, прислушиваясь к мерному дыханию лошадей. Увидел Ваньку с лешим.
- Что ты задумал? - рявкнул Кощей.

Вздвогнул Ванька, выронил из рук череп. Ударил-ся тот о пол, раскололся на части с треском. На миг окутало конюшню сизым туманом. Заржали испуганно лошади, забили копытами, взвились на дыбы, за-трясли головами. Рванул вперед Всполох.

Развеялся туман, лежала на месте Ваньки тряпичная кукла.

Замер Кощей, посмотрел на лешего.

- Где Ванька? - спросил он.

Вздохнул леший, опустил глаза.

Повисла в конюшне тяжёлая тишина.

Коснулись крыш первые лучи солнца, залили их бледным золотом.

Былое.

Прежде, когда деревья были чуть ниже, а солнце светило чуть ласковей, привечали деревенские ведьм. Никто не мог так добротнo заговорить горячку, излечить скотину, спасти посеы от засухи иль отвести грозовую тучу, готовую вылиться на молодые посеы. Все знали: можно прийти на поклон к ведьме днём иль ночью. С гостинцем иль с руками пустыми. Пособля-ли избавлению от бед и недуга плетушка яиц, молока кринка.

Ветхий домишко в лесной чаще — всё, чем довольствовалась деревенская ведьма. Сызмальства жили девочки вдали от суеты людской, постигали тайны трав разных, рождения и смерти.

Почуяв рождение девочки с искрой дара — того самого, что мерцает подобно светлячку летней ночью, — приходила ведьма в избу под покровом темноты. Выкупала новорожденную и уносила в свою избушку.

Шло всё чередом своим до тех пор, пока не влюбилась молодая ведьма. Позабылись наказы старой ведьмы, покрылись пылью пучки трав, что на стенах висели.

Чуть свет подкрадывалась ведьма к дому заветному. Украдкой следила за статным черноволосым воз-

любленным, заговаривала незаметно его на удачу. Во тьме ночи, когда луна низко висела над деревьями, подглядывала в окошко, смотрела на спящего, насылала сны добрые.

Аккурат после работ весенних дошёл слух до ведьмы: будто собрался её возлюбленный в деревню соседнюю на невесту смотреть. Бросила ведьма дела все, побежала к дому заветному. Да не успела. Застала одну пыль, оседавшую на дорогу, и стук копыт, доносившийся издали.

Упала ведьма на землю, умылась слезами горькими, послала проклятье вдогонку, запутала дорогу. Столкнулись наведённые ею силы удачи и проклятия. Столкнулись и рассыпались едва заметными искорками, точно от костра угасавшего.

Побрела домой ведьма. Шла она не разбирая дороги, отмахивалась от колючих еловых ветвей, цеплявшихся за рубаху льняную, глотала слёзы жгучие. Не мил ей стал мир людской, да дела суетные. Разрывалось сердце от тоски и обиды.

Шумом встретила ведьму, тихая обычно, поляна. Вылетали через окно выдавленное пучки трав, горшки и мелкая утварь. В проёме покосившейся двери показался тать — коренастый мужик в рваном кафтане, с лицом, хворью старой, изъеденной. Крякнул он, натужился и забросил мешок за спину. Зацепился

тот за гвоздь, выскочил из расползающейся прорехи медный котелок. Порвался мешок, кубарем скатился с крыльца грабитель, сжимал он в руках оторвавшуюся горловину. Выглянули подельщики посмотреть на неудачу друга да посмеяться.

Увидели ведьму, застывшую у изгороди, переглянулись.

- Говорят, тот, кто съест сердце ведьмы, обретёт удачу, - проговорил самый рослый с взглядом тяжёлым.

Стояла ведьма, не в силах была пошевелиться, когда повалили её на землю. Держал один руки, навалился другой на ноги.

Мелькнуло пред глазами острие, готовое в грудь вонзиться.

Зажмурилась ведьма, ожидая удара.

Пропала вдруг тяжесть с ног, обрели руки свободу. Послышалось низкое рычание, крики, треск разрываемой одежды, хруст. Приоткрыла глаза ведьма, увидела волка и убежавших прочь грабителей. Подошёл волк к девушке, ткнулся носом в плечо. Осторожно поднялась ведьма, несмело протянула руку, прикоснулась к жёсткой шерсти на загривке.

- Спасибо, - прошептала она дрожащим голосом.

Ткнулся волк носом в ладонь, точно прощаясь, развернулся и исчез в чаще.

Осталась стоять на поляне ведьма, среди трав разбросанных да горшков разбитых. Дрогнуло что-то в груди. Подняла с земли она пучок полыни, вдохнула горький аромат.

Донёс ветер далёкий волчий вой.

Скакал Кощей на вороном жеребце, что ступал ровно, будто мерял землю ногами. Поднималась пыль столбом, оседала на придорожной траве и новом кафтане. Не задались смотрины невесты.

Подали родители гостю чай сладкий с мёдом да сахаром — ребром поставили последнюю монету, надеясь выдать дочь замуж.

Сменился чай угощением обильным да нахваливанием невесты.

- Шить, вышивать, готовить, за хозяйством следить, детей нянчить — на все руки мастерица, - тараторима мать и руками размахивала, точно мух отгоняла. - А уж красавица какая — глаз не отвесть. Сколько парней за ней бегало, сколько сваталось — не счесть. Да только, люди мы честные порядочные и отдавать дочь любимую в дом плохой не хотели. Чтоб муж обижал, чтоб в нужде жила — нет, такого не допустим. Нет недостатка в молодой невесте...

По-новому началось нахваливание невесты. Заску-

чал Кощей, в окно смотрел да слушал в полуха. По улице в сторону забора, прижимая руку к небольшому животу, пробежала растрёпанная девица. На ходу размазывала она слёзы по раскрасневшемуся лицу, кричала что-то вслед батраку, который перемахнул через забор и огородом убежал прочь. Только пятки сверкали.

Замолчали родители, заслышав дочери голос. Переглянулись, побледнели. Бросились к окну, отталив друг друга, выглянули, ахнули. Растерянно посмотрели друг на друга, потом — на Кощея, что сидел с лицом каменным.

Заговорили с дрожью в голосе, перебивая друг друга:

- Не подумай худого! Давно мы внучат понянчить хотели. Услышали боги мольбы наши, даровали младенца. Богов дитя это, ибо дочь наша ни шагу из дома не делала. Разве что в лес по грибы да ягоды — да и то со служанками и под присмотром.

Грозно посмотрел на них Кощей. Встал резко, что посуда на столе задребезжала. Вышел громко хлопнув дверью, да так, что рамы затряслись и осыпалась с потолка сушёная мята.

Поднял голову, сощурился от весеннего солнца — яркого, щедрого. Хороший день. Вёдренный. Птицы поют, ветер тёплый, трава уж пробивается. Столько

дел предстояло сделать, а он впустую потратил время, слушая пустословные речи да разглядывая лица хитрые.

Фыркнул конь, мотнул головой. Потрепал его Кощей по шее.

- Домой, - тихо молвил он, тронул поводья.

Возвращалась мало-помалу ведьма к жизни прежней: привела в порядок избушку, вымела сор, развешала по стенам пучки трав. Выслушивала она просьбы деревенских: скотину заговорить, от лихорадки излечить, удачу к порогу приманить. Но всё чаще рассеянно глядела в окно, убегая мыслями далеко от печи и трав.

Приходили девицы-невесты накануне свадьбы с просьбой завязать на платке узелок на удачу и счастливую жизнь замужнюю. Никому не отказа ведьма, но узелок завязывала не крепко. Утекала удача у молодых, как вода сквозь пальцы.

Увлекли просьбы невест ведьму в омут мыслей тёмных.

Слышался ночами из леса вой волчий — протяжный тоскливый, словно зовущий. Где-то там в чаще глухой бегают её спаситель. Хотелось увидеть его ещё раз в людском облике, не в зверином. В глаза заглянуть, спросить кто он да откуда, почему на помощь

пришёл.

Отгремели весенние грозы, распустились и увяли цветы. Зной окутал деревню толстым одеялом: лениво кричали петухи, искала скотина тень под раскидыстыми деревьями. Хранил лес прохладу, дышалось легче среди елей и папоротников.

Доносились утром ранним голоса и смех звонкий: дети да незамужние девицы приходили по грибы с ягодами, перекликались, шутили, песни пели.

Плотно затворяла ведьма дверь и окна, залезала на печку, задергивала занавеску. Выходила наружу, когда стихали голоса, а жаркое солнце катилось высоко в небе. Ночами уходила в лес на поляны заповедные. Пополняла запасы.

В один день собирая едва проклюнувшиеся из-под земли грибы, не заметила ведьма медведя. Заслышала она рёв, подняла голову да застыла. Встал зверь на задние лапы, стал ещё выше. Лоснилась его шерсть, огнём горели глаза. Просыпались на землю собранные грибы. Вспомнилось, как говорила ей старуха, что иной раз леший принимает обличье медведя. Держит в страхе людей, не пускает чужаков на поляны свои. А как понять, кто перед ней — зверь иль леший — забыла ведьма.

Послышался рядом волчий вой. Другой, третий. Бесшумно вышел волк из-за кустов волк тот самый,

что спас её. Ощерился, зарычал глухо. Встала дыбом шерсть на загривке. Опустился медведь на передние лапы, побрёл прочь, с треском ломая кусты.

Дрожала ведьма, силилась встать. Не слушались ноги. Увидела сквозь слёзы он протянутую руку — людскую, сильную. Взялась за неё, не раздумывая.

Поднял оборотень ведьму с земли, придержал рукой, не давая упасть.

Утёрла слёзы ведьма, разглядела спасителя своего, почуяла запах леса и хвои, что шёл от одежды его.

Ты, - прошептала она. - Ты тот самый волк?

- Пойдём. Провожу тебя до дома.

Катилось к земле солнце. Ещё немного и спрячется оно за деревьями, останется алый отблеск в небе. Раздосадованный потерей времени, зашёл Кощей в избу, опустился на лавку.

Глупые родители не уследили за дочерью. То-то быстро приняли они предложение о сватовстве, не удосужившись справиться о достатке. И сваха юркая, словно змея. Втёрлась в доверие, тараторила не умолкая. Пропала накануне смотрин, как в воду канула. Кто же знал, что в сговоре она с родителями невесты. А может ими и науськана, найти молодого и не совсем умного жениха. Змея подколодная.

Не стал слушать Кощей причитаний родителей,

обошёл стороной растрёпанную, девку, бросившуюся к его ногам. Отряхнул кафтан, поморщился.

Зашуршало под печью, загремели ухваты, раздался раскидистый чих. С сажей на носу и паутиной в всклоченных волосах из-под подпечья вылез домовый, тут же напустился на Кощея:

- Что же у тебя, хозяин, одна пыль да паутина? Дрова вперемешку с кочергой и хватом. Не хозяйственный ты. Сразу видно. Жениться тебе надо... Эй чего творишь-то? Пусти! Не то ворот изорвёшь. Кто новую рубаху мне купит?

Завертелся домовый, пытаясь освободиться.

- Домовой, значит, ко мне пожаловал. Давно тебя, поганца, видно не было, - тряхнул Кощей домовым, как хозяйка половиком пыльным.

- Эй! Не тряпка я тебе какая! Совсем от рук ты, хозяин, отбился: ни молока свежего удоя, ни пряника. Одни крошки чёрствые да молоко скисшее. А я тебя от ведьмы оберегал. Она, почитай, каждую ночь просиживала под окном твоим.

- Ведьма, что в лесу живёт?

- Она. Плохая из неё знахарка, никудышная деревенская ведьма. Приворожить тебя она хотела, а я не дал. Проклятье послала вслед, когда ты на смотрины поехал. Отогнал я его. Жизнью своей рисковал пока отгонял стаю мелких бесов. Едва поспел за тобой, пуг-

**нул несостоявшуюся невесту с батраком на конюшне,
пока ты сидел развесив уши... Эй!**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.